

Цыбикова Б. Б. Историзация и мифологизация персонажей в бурятских преданиях (на примере образа Бальжан) / Б. Б. Цыбикова, Л. С. Дампилова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 262—274. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-262-274.

Tsybikova, B. B., Dampilova, L. S. (2020). Historization and Mythologization of Characters in Buryat Traditions (Image of Balzhan). *Nauchnyi dialog*, 2: 262-274. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-262-274. (In Russ.).

УДК 398.1(571.54)+398.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-262-274

ИСТОРИЗАЦИЯ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В БУРЯТСКИХ ПРЕДАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА БАЛЬЖАН)¹

© **Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-3672-1566, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), bch58@yandex.ru.

© **Дампилова Людмила Санжибоевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-0917-5432, доктор филологических наук, г.н.с. отдела литературоведения и фольклористики, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), dampilova_luda@rambler.ru.

В сравнительном аспекте рассматриваются исторические и мифологические составляющие в основных устных и письменных версиях рассказов о женщине, явившейся главным персонажем устных преданий и летописных историй хори-бурят. Новизна исследования видится в выявлении исторической познавательной части преданий в контексте реальных событий, касающихся образа Бальжан. Представлены результаты сопоставительного анализа разных версий письменных текстов и устных рассказов для выявления мифологических сакральных дополнений и особенностей трансформации реального сюжета. Актуальность исследования обусловлена компаративистским анализом основных вариантов предания в междисциплинарном аспекте, в результате чего сделан вывод о том, что сюжетная линия повествований о Бальжан в подавляющем большинстве случаев развивается исключительно в контексте описания истории формирования и развития этнической группы хоринских бурят в период с XVII века. Доказано, что в письменных версиях основная устная сюжетная канва сохраняется с усилением исторических составляющих, в некоторых вариантах устраняется вся мифологическая часть для создания образа правдоподобного исторического героя. Авторы отмечают, что мифологические кочующие вставки в преданиях восходят к устным традициям, выполняющая функции сакрализации и героизации трагической судьбы нестандартной женщины, определившей судьбу племени.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № AAAA-A17-117021310268-2).

Ключевые слова: предания; исторические хроники; рукописные списки; исторические составляющие; мифологический компонент; личность.

1. Введение

Неотъемлемой частью исторических преданий бурят являются устные рассказы о знаменитых личностях, сыгравших особую роль в становлении племен и нации. Одним из самых распространенных бурятских исторических преданий является рассказ о Бальжан-хатан, издавна бытующий в народной среде и в устной форме, и в рукописях, в том числе в летописных историях хори-бурят. Устные рассказы о Бальжан-хатан имеют признаки как легенды, так и преданий. В связи с тем, что в новейших работах исследователей устного творчества особенности жанров предания и легенды недостаточно изучены, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой «по сравнению с преданием легенда обладает большей обобщенностью, и в этом смысле она ближе сказке. Но если сказка представляет собой намеренное конструирование воображаемой реальности, то легенда сохраняет статус правдивого повествования» [Жамцарано, 2011, с. 48].

В нашем исследовании рассказ отнесен к жанру исторических преданий. В первую очередь мы опираемся на определение предания как осознанной реальности, содержащей повествование об имевших место событиях, связанных с деятельностью конкретных лиц. Особо выделено мнение Н. А. Криничной, отметившей такую специфическую черту жанра преданий, как установка на локальную историю [Криничная, 1987, с. 10]. В данном случае имеется в виду история одного племени.

В статье впервые в сравнительном аспекте выявляются исторические и мифологические составляющие в основных устных и письменных версиях рассказов о Бальжан-хатан. В сравнительном аспекте в разных версиях письменных текстов и устных рассказов устанавливаются мифологические сакральные дополнения и в связи с этим трансформации реального сюжета. Значимым представляется впервые предпринятый компаративистский анализ основных вариантов предания в междисциплинарном аспекте.

2. Исторические сведения о предании

Бурятские исследователи летописей, в которых отражены исторические факты о Бальжан-хатан, приходят к выводу, что письменные варианты появились в 1840-х годах в связи с уточнением истории переселения хоринских бурят с монгольской стороны. По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, «одной из распространенных хоринских исторических хроник раннего пе-

риода является “Повествование о Бальжин-хатун”. Это сочинение нередко называется “Повествованием о Бубэй-Бэйлэ-хане” или “Историей древнего солонгутского Бубэй-Бэйлэ-хана и Бальжин-хатун” ...» [Цыдендамбаев, 2001, с. 41]. Ц. Б. Цыдендамбаев доказал, что первая историческая хроника «История древнего солонгутского Бубэй-бэйлэ-хана и Бальжин-хатун» была написана не ранее 1727—1728 и не позднее 1760—1770 годов [Там же, с. 52].

Имя Бубэй-Бэйлэ как солонгутского хана установить почти не реально, так же как и имя его сына Дай Хун тайжи. Вместе с тем есть сведения, что солонгуты, входившие в состав монгольского рода хорчин, в XVII веке территориально были близки к хоринцам: «Амур в верхнем течении на всём протяжении (около 900 км) был естественной границей между даурами и этнотерриториальным объединением монголов — хорчинов, в состав которых входили кереиты, солонгуты и ряд других монгольских племён» [Цыбенков, 2011, с. 238]. Но реальными историческими фактами, явившимися основой появления подобного сюжета в предании, послужили исход хоринских бурят на юг монгольской империи и их последующее возвращение. Присутствие представителей хоринских родов среди монгольского населения Внутренней Монголии подтверждают данные летописи «Сокровенное сказание монголов» и других источников. Следует учитывать, что в нашей работе историческая канва рассматривается только в контексте исследуемого предания.

В преданиях главная героиня, хотя и тесно связана с хоринскими бурятами, предстает в разных исторических и мифологических ипостасях. С исторической точки зрения Бальжан является дочерью чахарского Легден-хана [Бурядайт түүхэ бэшэгүүд (Бурятские летописи), 1992, с. 36]. Примечательно, что в устных преданиях также не находим однозначного мнения о происхождении Бальжан. Из дореволюционных записей в дневнике Ц. Жамцарано известно, что она является дочерью Тогон Тумэр хана [Жамцарано, 2011, с. 93], одного из монгольских императоров. В другом тексте утверждается, что она была дочерью монгола [ОАФ, № 2345/а]. В одном из устных вариантов так же, как в летописных хрониках, утверждается, что хоринцы есть «подданные Бальжад хатан, т. е. ее дети» [ОАФ, № 2144]. В предании, записанном от монгольского бурята, исполнителю не известно, откуда она родом: «То ли она с запада прибыла, издалека прибывшая хатан» [ОАФ, № 2344/2]. Все эти столь различные предположения о происхождении героини доказывают трансформацию как сюжета предания, так и образов персонажей.

3. Исторические вставки и изменения в летописных памятниках

В летописных хрониках сюжетные линии текстов, касающиеся роли Бальжан-хатан в переселении хоринских родов, предельно выдержаны в рамках сведений, содержащихся в исторических источниках. В хронике Тугулдура Тобоева от 1863 года наряду с описанием прошлой истории хоринских и агинских бурят: *И народ одиннадцати родов, хотя и в незначительном количестве, после того, как большая часть народа одиннадцати отцов хоринских затерялась в той древней Монгольской стране, прикочевал вместе со своими семьями и вместе с Дай-хун-тайжи, сыном солонгутского Бубэй-бэйлэ-батора, и с его женой около 1613 года, в век великого царя Михаила Федоровича. Они обосновались по северному и южному склонам горной цепи Хухульби, в нынешнем Нерчинском округе, в местности по Хуандайта, что впадает в реку Улирэнгэ. После этого они совершали перекочевки по ближним рекам — Аргуни и Онону*) [Бурятские летописи, 1995, с. 38]. Здесь же приводится предание о Бальжан-хатан в следующем ключе: скончалась мать Дай Хун тайжи, отец женился на молодой, которая невзлюбила невестку Бальжан-хатан. Откочевавший с народом Дай Хун тайжи и его жена после раздора жили по южным и северным склонам горы Хухульби, вдоль реки Онона. Бальжан-хатан убили, тело ее бросили, на том месте образовалось озеро Бальжан-хатан у истока реки Тура. В районе местности Адун чулун бросили ее седло, и то место получило название «Алтан эмээл» [Бурадайт ..., 1992, с. 13].

В подобном же направлении развиваются события в хронике Аюуши Саагиева (Сакьяева) от 1844 года: когда скончалась первая жена, Бубэй Бэйлэ хан на старости лет женился на молодой женщине, с которой Бальжан-хатан не нашла общего языка. В связи с этим Дай Хун тайжи с Балжан и подданными перекочевали в сторону Онона. Поддавшись гневу молодой жены, Бубэй Бэйлэ хан вернул сына с 11 родами хори-бурят обратно, а его жену убили [Бурадайт ..., 1998, с. 9].

В трех других источниках: В. Юмсунова от 1875 года [Бурятские летописи, 1995, с. 36—102], Ш.-Н. Хобитуева от 1887 года [Бадмаева и др., 2018, с. 237] и в «Докладе о происхождении одиннадцати хоринских родов» Д. Дарбаева от 1839 года [Бурятские летописи, 1995, с. 170—176] — мы не находим описания конфликта между Бальжан и мачехой ее мужа. Главное внимание уделяется причине откочевки Дай Хун тайжи и Бальжан-хатан вместе со своими подданными. В одном случае они вернулись на бурятские земли из монгольских владений, затосковав по родным кочевьям, в другом — из-за тяжелой жизни, тем более стало известно, что «великие государи российские жалуют своих подданных как родных сыновей

своих» [Там же]. «Ш.-Н. Хобитуев излагает уход хоринцев от Бубэй Бэйлэ хана и переход их в русское подданство примерно в тех же словах, что и Юмсунов, а также другие составители исторических хроник. Однако, по версии Ш.-Н. Хобитуева, Бальжан-хатун не была убита, а умерла своей смертью» [Цыдендамбаев, 2001, с. 55].

Естественно, летописцы с позиций своего времени комментируют известное предание как исторический факт, упоминая и русское подданство: «Вследствие этого народ наш, происходящий от Бэдэ, бывший под его властью, лишился душевного покоя. Он затосковал тогда по родине, где родился и размножился отец Хори. Кроме того, он услышал, что великие государи российские относятся с милосердием к своим поданным, любят всех их, кого бы то ни было, покровительствуют им и жалуют их, словно сыновей свих» [Бурятские летописи, 1995, с. 38].

В выстроенный как будто бы на реальных событиях письменный текст вписывается только один мифологический сюжет о чудесном появлении озера на месте брошенного тела Бальжан. Вся ее роль здесь сводится к объяснению факта появления природного объекта трагической смертью героини по возвращении на родину. Вставное топонимическое предание полностью соответствует правилам данного жанра. Таким образом, во всех приведенных выше летописных текстах образ Бальжан-хатун проступает лишь в общих чертах, отсутствует личностные характеристики, она выступает в роли номинального героя.

4. Историзация и мифологизация образа героини в письменных версиях предания

Впервые история о бурятах одиннадцати хоринских родов, находящихся в подчинении монгольского хана, затем переместившихся на территории нынешнего их расселения, связанная с именем этой легендарной женщины, была опубликована в Санкт-Петербурге А. М. Позднеевым на старомонгольском языке в «Монгольской хрестоматии для первоначального преподавания» [Позднеев, 1900, с. 47—55].

Относительно датировки данного списка «Легенды о Бальжин-хатун» исследователь бурятской дореволюционной литературы Г. О. Туденов выдвигает следующие предположения: «... анонимный автор (в основном переписчик) использовал ревизские данные или погодный список, составленный где-то между 1823 и 1840 годами. Этот факт говорит о том, что данный список не мог быть написан раньше 1823 года» [Бурятская литература, 1972, с. 159].

Указывая на наличие в легенде сведений о примечательном историческом событии — разделении Хоринского ведомства на два и образовании Агинской степной думы в 1839 году, ученый пишет: «На основании последних событий, приведенных в тексте самой легенды, можно сделать вывод о том, что данный список “Легенды о Бальжин-хатун” был написан (переписан и дополнен) не ранее 1839 года. Если допустить, что он был написан значительно позже, то обязательно были бы упомянуты важнейшие исторические факты и события современного периода. Поэтому с некоторой долей условности предполагаемый список “Легенды о Бальжин-хатун” можно датировать 1840 годом» [Там же]. Такого же мнения придерживается исследователь истории Ш. Б. Чимитдоржиев: легенды о Бальжан-хатан являются самыми первыми историческими хрониками, и они относятся к XVIII веку [Бурядайт ..., 1992, с. 5].

Содержание легенды, опубликованной А. М. Позднеевым, существенно отличается от летописных версий. Жанровые особенности летописи нивелируются, и на первый план выходит художественная версия рассказа. Когда умерла первая жена Бубэй Бэйлэ хана, он женился на молодой женщине, с которой завязываются любовные отношения у Дай Хун тайжи. Между женами Бубэй Бэйлэ хана и Дай Хун тайжи происходит ссора. Дай Хун тайжи решил откочевать из-за этого в сторону Хухульбинских гор. Бубэй Бэйлэ хан отдал приказ: вернуть сына с подданными, а Бальжан-хатан умертвить, отрезав правую грудь. Бальжан-хатан, обладающая чудесным даром — семьюдесятью одним средством волшебства, превратилась в белый снег, затем в воду, отчего тщетны были поиски войск Бубэй Бэйлэ хана. В третий раз, приняв решение не послушаться приказа хана, она сдалась. Отрезав правую грудь, её умертвили. Там, где осталась ее голова, местность назвали Бальжин толгой, где оставили ее венец — Алтан ёдорто, тело — озеро Бальжин, котелок — Тогоото, лошадь — Хара морито, золотое седло — Алтан эмээлтэ.

Текст более красочный, образ Бальжан-хатан выписан ярче, обозначен характер, «внеэстетическая функция» (по К. В. Чистову [Чистов, 2005, с. 48]), присущая устным преданиям, явно занижена. Стоит обратить внимание, что в данном варианте главная героиня в событиях почти не участвует, все решает ее муж. Представления о положении женщины находят выражение только в описании мифологических событий, которые в летописях отсутствуют. Бальжан, обладая семьюдесятью одним средством волшебства, могла превратиться и в снег, и в дождь, но покорно сдается, не осмеливаясь перечить ханской воле. Здесь прослеживается такая черта образа, как подчиненность героини, покорность своей судьбе, предпопре-

деленная обычаем. Мотив владения особыми чарами волшебства, характерный для буддийских повествований о житиях святых, свидетельствует о влиянии буддийской письменной традиции на данный текст.

Примечательным представляется текст «Балжан хатан тухай туужа домог» («Предание-повествование о Балжан хатан») [Бурядайтэй ..., 1992, с. 211—220], характерную особенность которого составляет самостоятельность произведения, отсутствие в нем связи с историей хори-бурят, как можно было наблюдать в вышеупомянутых летописных источниках. Из паспортных данных к нему явствует, что история о Бальжан-хатан была записана учителем Агинской степной думы Зоригтын Жалсараем, переписал ее забайкальский эвенк по имени Сэдэн, копию записи текста сделал Чимит Намсараев, житель села Куорка Кижингинского района. К сожалению, не указываются даты записи и перезаписи, вместе с тем, судя по упоминанию Агинской степной думы, деятельность которой приходится на период с 1839 по 1903 годы, то отнесение бытования списка к XIX столетию не будет ошибкой.

Таким образом, данный текст является ярким свидетельством бытования в прошлом у бурят рукописных списков истории о Бальжан. Сюжет строится вокруг главной героини Бальжан, которую хотят сосватать за сына солонгутского хана из Внутренней Монголии Бубэй Бэйлэ — Дай Хун тайжи. Девушка не верит, что хан может женить сына на девушке из бедного сословия. Во время сватовства Бубэй Бэйлэ хан просит угостить его *адуун төөлэй* ('блюдо из конской головы для почетных гостей'). Случился курьез: по ошибке забили его же коня. На возмущение Бубэй Бэйлэ хана Бальжан дает отпор: негоже хану устраивать скандал, имея благородную цель решить судьбу сына: *Та болбол хаан баатар алдартайшье хаа, өөрынгөө юрэнхы адагуусаниие хара турагтал адляар сэгэнэнэ. Тиймэхээ тэнэгэй ехэ танда болошоно! — гээд Балжананай үгээ таһалдууна* [Бурядайтэй ..., 1992, с. 215] (Вы, имея славный титул батор-хана, приравниваете своего обыкновенного коня с черным изюбром. Получается таким образом, что вы очень глупый человек! — сказав, прервала свою речь Бальжана). И в результате она дает родителям наказ-просьбу — не забивать скот на ее свадьбе, угощением будут только белая пища, ягоды, корни растений, мучные изделия. Бальжан советует отцу не брать за нее *эдлэл зөөри* ('приданое в имущественном выражении'). Поженившись, молодые жили счастливо и спокойно, так сказано в повествовании. Что касается мотива конфликта между невесткой и свекровью, он приобретает еще более усиленную эмоциональную окраску: Бальжан решила, что пришел конец ее

жизни, так как отец и сын имели цель завладеть одной и той же женщиной [Там же, с. 220].

Этот письменный текст по сравнению с вариантом А. М. Позднеева претерпел значительные изменения, в повествование включены новые мотивы, раскрывающие историческую роль главной героини. Текст насыщен такими художественными элементами, как введение дополнительных персонажей, не играющих ключевой роли в сюжете; речь действующих лиц соответствует высокому стилю, имеет возвышенную интонацию; обращения друг к другу схожи на те, какие встречаются в буддийских текстах, когда послушник адресует высказывание своему учителю-монаху. Следует подчеркнуть, что сделан акцент на изображении Бальжан как личности с индивидуальными чертами, сильной волей, своенравным характером, как героини, имеющей и высказывающей свою точку зрения, ей присуще глубокое чувство достоинства и чести.

В данном тексте подчеркивается ее принадлежность к хоринскому племени, указано, что 11 хоринских родов являются ее сородичами. Переписывая рассказ, составители преднамеренно опустили весь мифологический контекст, даже имеющее место во всех версиях топонимическое предание здесь отсутствует. Думается, для реконструкции истории хоринского племени, в которой главную роль играет Бальжан как будущий его предводитель, был создан портрет девушки, знающей традиции своего народа. Возможно, составители этой письменной версии, переписывая летописный вариант и дополняя устными версиями рассказ, создали наиболее правдивый образ. Особую ценность представляет привлечение множества мотивов и коннотаций из устной прозы и обрядового фольклора. Вполне можно соотносить этот вариант сюжета с характерным для бурятских сказок сюжетом об умной бедной девушке, вышедшей замуж за ханского глупого сына. В данном случае прослеживается использование архетипа мудрой девы как носительницы народной мудрости.

Итак, выделим важный аспект, на который следует обратить внимание: интересующий нас сюжет о Бальжан-хатан в рассмотренных текстах является одним из звеньев в ряду других описаний о перемещениях и скитаниях хори-бурят в прошлые века. По мнению А. М. Позднеева, сюжет «представляет собой бесхитростный рассказ о совершенных монголо-бурятами походах, в котором действительность переплетается с массой небылиц, порожденных главнейшими суеверными понятиями народа и вообще превосходно отражающих в себе его быт, взгляды и симпатии» [Позднеев, 1900, с. IX]. Во всех вышеуказанных источниках главным мотивом является передача одиннадцати хоринских родов бурят зачастую в качестве выде-

ленного ханом улуса своему сыну или приданого Бальжан-хатан. Предание о Бальжан-хатан связано с реальными историческими событиями, но была ли сама Бальжан-хатан реальным героем, опять же сегодня доказать очень трудно. В письменных летописных источниках историческая канва повествования связана с проблемой возвращения хоринских бурят на свои исконные земли с приведением некоторых фактов из реальной действительности. В письменных рукописных изданиях также заметны попытки авторов включить в повествование исторический мотив о возвращении и роль Бальжан хатан. В данных текстах миф и история переплетаются как в характеристике образа героини, так и в топонимических вставках.

5. Фольклорные варианты сюжета о Бальжан-хатан

Фольклорные записи, которыми мы располагаем, посвященные Бальжан-хатан, относятся к советскому периоду и существенно отличаются от летописных источников и рукописных списков дореволюционного времени. В памяти народа остались только отрывочные сведения о Бубэй Бэйлэ хане, Дай Хун тайжи, конфликте между второй женой хана и его невесткой Бальжан.

Помимо мифологического сюжета о чудодейственных способностях героини, топонимических преданий, в устных текстах отмечаются ее особые возможности восстанавливать, лечить и после своей смерти. Прибыв в забайкальские степи со своими подданными, Бальжан построила крепость [ОАФ, № 1948]. Об этом же говорится и в записи от 1961 года [ОАФ, № 1915/1]. Кроме того, и в первом, и во втором случае исполнители подчеркивают лечебные свойства строительного материала этой крепости: *растолченные обломки крепости хорошо помогали при лечении животных от болезни* [Там же].

Естественно возникает вопрос: существовала ли когда-либо реально такая женщина? Или народ по мотивам легенды о праматери хоринских бурят лебедице — небесной деве, спустившейся на землю в образе девы — создал мифологизированную историю о женщине? Итак, образ Бальжан предстает и в мифологизированной, и в реальной версиях. Устный рассказ так трансформировался по ходу бытования, что она может быть и дочерью монгольского хана. В этом случае женщина становится более далекой, и ее статус *хатан* соответствует статусу ханской дочери. Мифологизация не только ее образа, но и крепости, которую построила Бальжан, еще более усиливает необычность, уникальность, сакральную сущность героини повествования. Здесь уместно напомнить, что «фольклор типологически относится к стадии дорефлективного мышления, которое конструирует

действительность из категории собственного сознания и живет в этой действительности, поэтому вопрос об относительности и специфике реальности должен решаться исторически» [Мальцев, 1989, с. 64].

По законам устной традиции в фольклорных текстах устойчиво сохранились топонимические мотивы, в которых акцент смещен в сторону объяснения происхождения названий географических объектов через связь с образом легендарной Бальжан-хатан. Подобное явление, принадлежащее к образцам народной этимологии, наблюдается в текстах, зафиксированных в Забайкальском крае, Бурятии, Монголии [Буряад ..., 1990, с. 102—104].

Исключение составляет запись, сделанная в 2014 году в Эвенкийском хошуне Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики у шэнэхэнской бурятки Жамбалай Дарима, хоринского рода галзууд. Легенда «О Бальжан» («Бальжан тухай») в ее исполнении [Цыбикова, 2016, с. 15—120] представляет собой наиболее цельное произведение, сохранившее основные мотивы, содержащиеся в тексте, приведенном А. М. Позднеевым в вышеупомянутой хрестоматии. Необходимо заметить, что образованные буряты и духовенство во время революции выехали с исторической родины, имея свои летописи и тексты, записанные на основе старомонгольской письменности, буддийскую литературу на тибетском языке.

В тексте, опубликованном А. М. Позднеевым, и записи, сделанной у бурят Внутренней Монголии, выявляется совпадение следующих эпизодов: описание Бубэй Бэйлэ хана как меткого стрелка, который сосватал за сына Дай Хун тайжи дочь Белого водяного хана (у Позднеева), Сагаан Лубсан (у китайских бурят) — Бальжан. На свадьбе в качестве подарка сыну Бубэй Бэйлэ хан выделил 11 хоринских родов. Отправившись помолиться к Хуугэн хутагта, по пути устроили охоту, убили много зверей, и из-за этого по велению священнослужителя они обязаны замаливать грехи, для чего должны изготовить статуэтку божества. Изображение божества не доделали, разделили на части и надели на шею, поэтому проиграла войну, вернулось ничтожное количество людей.

Итак, буряты Внутренней Монголии, живущие в отрыве от материнского этноса, сумели сохранить в наиболее устойчивой форме фольклорные и письменные традиции, доставшиеся им в наследство. В сюжет текста вставлены новые мотивы, характерные для буддийской религии. Примечательно, что информанты символическое значение разделенной, недоделанной статуэтки сегодня связывают с разъединенной в разных государствах тяжелой судьбой своего народа.

6. Выводы

Итак, сравнительный анализ письменных и устных версий текстов показывает, что сюжетная линия повествований о Бальжан в подавляющем большинстве развивается исключительно в контексте описания истории формирования и развития этнической группы хоринских бурят в период с XVII века.

В итоге исследования, проследив сюжетную канву письменных и устных версий предания о Бальжан-хатан, приходим к следующему выводу: в письменных летописных версиях героиня, не имея личностной характеристики, упоминается только в связи с топонимическими преданиями; в рукописных письменных версиях преимущественно разрабатывается образ женщины, проявившей ум, твердость характера и убежденность в отстаивании интересов своего народа. В устных версиях преданий сохранились отдаленные от реальных событий мифологические мотивы.

Таким образом, мы приходим к выводу, что бурятский народ наделяет Бальжан, сыгравшую определенную роль в истории племени, нестандартным мышлением, волевым характером. Можно предположить, что повествование сначала появилось в виде устных легенд и рассказов, затем фольклорные варианты перешли в литературу и летописные исторические сочинения.

Также можно констатировать, что в письменных версиях сюжетная канва, характерная для устных текстов, сохраняется с усилением исторических составляющих, в некоторых вариантах устраняется вся мифологическая часть для создания образа правдоподобного исторического героя. Кроме того, мы приходим к выводу, что кочующие мифологические вставки в преданиях восходят к устным традициям, выполняя функции сакрализации и героизации трагической судьбы необычной женщины, определившей судьбу племени.

Источники

1. *Бурятские летописи*. — Улан-Удэ : Курумканская типография, 1995. — 198 с.
2. ОАК — *Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН*, инв. № 1915/1, № 1948, № 2345/а, № 2144, № 2344/2.
3. *Буряад арадай түүхэ домогууд* (Бурятские народные исторические легенды). — Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1990. — 175 с.
4. *Буряадай түүхэ бэшэгүүд* (Бурятские летописи). — Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1992. — 240 с.
5. *Буряадай түүхэ бэшэгүүд* (Бурятские летописи). — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН. 1998. — 143 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадмаева Л. Б.* Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят / Л. Б. Бадмаева, Г. Н. Очирова. — Улан-Удэ : Бэлиг, 2018. — 288 с.
2. *Бурятская литература* : Типография Управления по печати при Совете министров Бурятской АССР. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1972. — 197 с.
3. *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры / Н. А. Криничная. — Ленинград : Наука, 1987. — 325 с.
4. *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г. И. Мальцев. — Ленинград : Наука, 1989. — 168 с.
5. *Позднеев А. М.* Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1900. — 416 с.
6. *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903—1907 гг. / Ц. Жамцарано. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. — 264 с.
7. *Цыбенков Б. Д.* Даурские роды в XVII в. / Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 8. — С. 238—246.
8. *Цыбикова Б.-Х. Б.* Фольклор шэнхэнских бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2016. — 312 с.
9. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные / Ц. Б. Цыдендамбаев. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2001. — 256 с.
10. *Чистов К. В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы / К. В. Чистов. — В книге : Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сборник статей / К. В. Чистов. — Москва : ОГИ, 2005. — 272 с.

HISTORIZATION AND MYTHOLOGIZATION OF CHARACTERS IN BURYAT TRADITIONS (IMAGE OF BALZHAN)¹

© **Badma-Handa B. Tsybikova (2020)**, orcid.org/0000-0003-3672-1566, PhD in Philology, leading researcher, Department of Literary and Folklore Studies, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), bch58@yandex.ru.

© **Liudmila S. Dampilova (2020)**, orcid.org/0000-0003-0917-5432, Doctor of Philology, chief researcher, Department of Literary and Folklore Studies, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), dampilova_luda@rambler.ru.

In a comparative aspect, historical and mythological components in the main oral and written versions of stories about a woman who was the main character in the oral traditions and chronicles of the Khori-Buryats are considered. The novelty of the study is in the identification of the historical cognitive part of the traditions in the context of real events concerning the

¹ The research was carried out within the state assignment of FASO Russia (project XII.192.1.4. "Myth and history in folklore and literature of Buryat and Russian Siberians: universalia and specific features", № AAAA-A17-117021310268-2).

image of Balzhan. The results of a comparative analysis of different versions of written texts and oral stories to identify mythological sacred additions and transform the real story are presented. The relevance of the study is due to a comparative analysis of the main versions of tradition in an interdisciplinary aspect, which led to the conclusion that the storyline of the novels about Balzhan in the vast majority of cases develops exclusively in the context of describing the history of the formation and development of the ethnic group of the Khorinsky Buryats in the period from the 17th century. It is proved that in written versions the main oral plot outline is preserved with the strengthening of historical components, in some cases the entire mythological part is removed to create the image of a plausible historical hero. The authors note that the mythological nomadic insets in the legends go back to oral traditions, having the functions of sacralizing and heroizing the tragic fate of the non-standard woman who determined the fate of the tribe.

Key words: traditions; historical chronicles; handwritten lists; historical components; mythological component; personality.

MATERIAL RESOURCES

- Buryatskiye letopisi*. (1992). Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izd-vo. (In Bur.).
- Buryatskiye letopisi*. (1995). Ulan-Ude: Kurumkanskaya tipografiya. (In Russ.).
- Buryatskiye letopisi*. (1998). Ulan-Ude: BNTs SO RAN. (In Bur.).
- Buryatskiye narodnyye istoricheskiye legendy*. (1990). Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izd-vo. (In Bur.).
- OAK — *Obshchiy arkhivnyy fond Tsentra vostochnykh rukopisey i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN, inv. № 1915/1, № 1948, № 2345/a, № 2144, № 2344/2*. (In Russ.).

REFERENCES

- Badmayeva, L. B, Ochirova, G. N. (2018). *Letopis' Sh.-N. Khobituyeva kak pamyatnik pismennoy kultury buryat*. Ulan-Ude: Belig. (In Russ.).
- Buryatskaya literatura: Tipografiya Upravleniya po pechatu pri Sovete ministrov Buryatskoy ASSR*. (1972). Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Chistov, K. V. (2005). K voprosu o printsipakh klassifikatsii zhanrov ustnoy narodnoy prozy. In: Chistov, K. V. *Folklor. Tekst. Traditsiya: sbornik statey*. Moskva: OGI. (In Russ.).
- Krinichnaya, N. A. (1987). *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza. Voprosy genezisa i struktury*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Maltsev, G. I. (1989). *Traditsionnyye formuly russkoy narodnoy neobryadovoy liriki*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Pozdnev, A. M. (1900). *Mongolskaya khrestomatiya dlya pervonachalnogo prepodavaniya*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russ.).
- Tsybenov, B. D. (2011). Daurkiye rody v XVII v. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta*, 8: 238—246. (In Russ.).
- Tsybikova, B-Kh. B. (2016). *Folklor shenekhenskikh buryat*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. (In Russ.).
- Tsydendambayev, Ts. B. (2001). *Buryatskiye istoricheskiye khroniki i rodoslovyne*. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. (In Russ.).
- Zhamtsarano, Ts. (2011). *Putevyye dnevniki 1903—1907 gg*. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. (In Russ.).